

Р А Д У Г А ,

ЖУРНАЛЪ

**ФИЛОСОФИИ, ПЕДАГОГИИ И ИЗЯЩНОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

съ

присовокупленіемъ

**ОСТЪ - ЗЕЙСКИХЪ
ЗАПИСОКЪ,**

издаваемый

А. Б Ю Р Г Е Р О М Ъ.

Книжка седьмая.

РЕВЕЛЬ. 1832.

Въ Типографіи наследниковъ Линдфорса.

Р А Д У Г А.

О ВОСПИТАНІИ.

(Продолженіе.)

И шакъ двояка цѣль воспитанія челоуѣка: 1) воспитаніе его на непосредственное служеніе Богу и 2) на служеніе Богу посредствомъ служенія ближнимъ. Это опредѣленіе цѣли даетъ въ свое время точное опредѣленіе и сущности воспитанія и указываетъ, какъ соврапились съ пути истиннаго и удалились отъ Священнаго Писанія въ теоріи воспитанія въ современной намъ образованной Европѣ, которую мы во всемъ образцемъ себѣ поспавляемъ.

Начиная хоть отъ *Локка*, взгляните на шумное бореиіе мнѣній на Западѣ о семъ важнѣйшемъ предметѣ челоуѣческой жизни. И *Руссо* и *Базедовъ*, и *Кампе*, *Шварцъ*, *Песталоцци*, *Нилмеіеръ* и множество другихъ какъ рыба объ ледъ бились объ одну препону — непониманія двоякости заповѣди Господней. Всѣ

они искали чистосердечно испиной основы воспитанія, всѣ были одушевлены благороднѣйшимъ стремленіемъ: но умовѣріе ихъ препяшпивоало имъ найппи эпу основную почку, копорая всякому доспуна, кто безусловно вѣруеть, кто не рабъ себя.

Я живое, небесное распеніе; я для двухъ цѣлей существую: 1) чпобы внуспреннѣйшимъ корнемъ своимъ спремнпсь съ соединенію съ испочникомъ и первообразомъ быпія моего, 2) чпобы развипись до плода, полезнаго зъ назначенномъ его кругу. Но садовники — одни небрегутъ о зарыпомъ въ глубинѣ корнѣ моемъ и испощаютъ его безпреспаннымъ унавоживаніемъ, имѣя въ виду только хоща однолѣпнюю плодовищоспъ мою. Другіе садовники, забывая что и плодосносность еспъ цѣль быпія моего, извуряютъ и испязаютъ соспавъ мой, и думаютъ, что, лишая жизнеспности мой внуспрннѣйшій корень, сблизаютъ меня съ моимъ испочникомъ. Садовники спорятъ, сооряпсь, свирѣтуютъ другъ проптивъ друга, мѣняясь поносипельными названіями, по погасипелей, по осквернптелей свяпныи. Гореспно даже указывають на плачевное соспояніе, до копорого доведена западная Европа въ послѣднее время ревностными и благонамѣренными и умными, но безусловно вѣроу неосвященными

Корифеями своими. Но нельзя по крайней мѣрѣ не сказать, нельзя не сказать десять, сто и болѣе разъ, что плачевно и горестно это состояніе и что счастлива Россія, имѣя только немногихъ панегиристовъ сего состоянія.

Съ прицѣпленіемъ двойкой цѣли воспитанія пощасъ уничтожаются все причины споровъ педагогическихъ, пощасъ назначается мѣсто всякой наукѣ, всякому искусству, художеству, и пощасъ уничтожается даже понятіе о погасительствѣ и ш. п. Но Западная мудрость не принимаетъ этой двойкости и споры, и борьба и смѣшеніе временнаго съ вѣчнымъ спланиваются необходимыми, и: съ одной стороны все науки, все искусство уничтожаются; съ другой стороны человекъ долженъ искать божественнаго совершенства въ совершенствахъ гимнастическихъ, художественныхъ, ученыхъ, или по крайней мѣрѣ посредствомъ ихъ, и богопознаніе, хотя и сосланивается часомъ воспитанія, но будучи посланивлено почти на ряду съ гимнастикой, изученіемъ Латинскаго или Греческаго языка, Истории, Математики и пр., спланивается такою же наукою какъ и прочіе предметы, а не всегдашнимъ сердечнымъ упражненіемъ въ вѣрѣ, въ надеждѣ и любви. Говорятъ ученику, чтобы онъ добръ и послушенъ былъ, рассказываютъ ему многое о

Богъ, а между тѣмъ иногда едва ли не спроже съ него взыскивають, если онъ ошибется пропивъ Латинскаго или Греческаго склоненія. Религію обращаютъ въ ученый курсъ и опредѣляютъ опъ поведенія; задаютъ сочиненія по части Религій, почно какъ изъ науки какойнибудь, и цѣнятъ въ нихъ не духъ и характеръ, кошорый оказываея изъ сочиненія шакого, а рипорическія достоинства или знаніе юности, и. п. д. — Не видя различія цѣлей, къ кошорымъ ему иппи должно, не зная различія междуусовершенствованіемъ на служеніе ближнимъ, и усовершенствованіемъ личнымъ для предпанія предъ Богомъ, юноша во всемъ самого себя цѣлью себѣ поставляетъ. Онъ думаетъ, что для щастія его собственнаго маленькаго я поднимаются всѣ хлопоты воспитательныя, учатъ его всемъ возможнымъ языкамъ, наукамъ и искусствамъ. И можетъ ли онъ иначе думать, когда его заранѣе не приучаютъ къ Христіанскому убѣжденію, что для собственнаго маленькаго я человеческого никакихъ богатствъ не нужно, ни вещественныхъ не духовныхъ, ни золота, ни серебра, ни языковъ, ни познаній? когда ему никакъ не говорили за ранѣе, что онъ, живя между людьми и будучи обязанъ со всею любовью служить имъ, долженъ для исполненія сей обя-

занности, и единственно для того, а ни мало не для себя приобретать сколько внешнихъ совершенствъ сколько можетъ? когда не говоряшь ему, что онъ самъ по себѣ предъ лицомъ Бога равно великъ или малъ, равно счастливъ или несчастенъ, единственно смотря по суетени и числотѣ вѣры, надежды и любви, безъ всякаго отношенія къ частнымъ совершенствамъ его? И послѣ этого очень естественно, что всякій шакъ, — думая, что для его собственнаго благополучія нужно обладаніе сколько совершенствами, сколько онъ въ силахъ приобрести, и не получивъ въ воспитаніи предвкусія къ жизни въ одномъ внутреннемъ совершенствѣ, къ жизни въ Богѣ, — что всякій шакъ, возросши, ищетъ личнаго блаженства своего въ обширнѣйшихъ кругахъ дѣйствія и въ упонченнѣйшихъ занятіяхъ, въ наукахъ, художествахъ, и пр.; ибо починаетъ соспоянія людей, опредѣленныхъ для ограниченныхъ круговъ дѣйствія и шакъ называемыя грубыя занятія не только менѣ другихъ соспояній и занятій священными, но даже и пренебрежительными, и ни какъ не въ силахъ понять, какъ можетъ бытъ Христіанину равно свято, бытъ проницательнымъ глазомъ или умомъ того великаго міла, котораго онъ частъ составляетъ, или языкомъ могущественнымъ.

или сильнымъ и послушнымъ плечомъ, или твердою ногою — или даже не болѣе какъ ногошникомъ, какъ волоскомъ. — И въ какія еще заблужденія можетъ завлечь эша западная мудрость, вездѣ слящяся сливанъ временное съ вѣчнымъ! Но споншь только обратитесь прямо къ Св. Писанію, чшобы увидѣшь, какъ соглашаются всѣ проповорѣчія и ошврацаются всѣ подобныя послѣдствія. Нѣсколько спрокъ Св. Писанія все разрѣшаютъ.

Къ Иисусу прислушались Ученики и спрашивали: кшо болшій въ Царствіи небесномъ? Иисусъ позвалъ опрока и поставилъ посреди ихъ и сказалъ: »Аминь глаголю вамъ, аще не обратитесь и будете яко дѣпи, не увидите въ Царствіе небесное.« (Матт. 18, 1 — 3.) Не ясно ли, чшо ни Философія, ни какія либо другія Науки, ни Поэзія, ни какія Искусства, ни какія чашныя совершенства не нужны намъ для вшеспівія въ обинель блаженства? Не ясно ли, чшо Педагогія, имѣющая въ виду воспитанъ чловѣка для его личного блаженства, для Бога, должна имѣшь одно стремленіе: сохранить его въ младенческомъ состояніи и сколько можетъ всегда опклоняшь его опъ споль шѣнишельной для него мысли — бышь уже здѣсь, въ земной оболочкѣ мелочнаго я своего, мужемъ? Если сообразимъ съ симъ выше сего

приведенное поученіе Павлово о чашнихъ совершенствахъ на пользу ближнимъ, но не ясно ли передъ нами все основаніе Педагогій?

Правда, священный Апостоль Павелъ говоритъ: »Братіе не дѣпни бывайше умы: но злобою младенсвуйше, умы же совершенни бывайте.« (1. Кор. 14, 20.) И въ другомъ мѣстѣ: »Дондеже не достигнемъ вси всоединеніе вѣры и познанія сына Божія, въ мужа совершенна, въ лѣту возраста исполненія Христова.« (Ефес. 4, 15.) Но для чего въ обоихъ сихъ случаяхъ Апостоль говоритъ это? Вся глава, въ которой заключается первое мѣсто, содержитъ поученіе о томъ, какъ Избранные поучаны должны: »Но въ церкви хоцу пять словесъ умолъ моимъ глаголати, да и ины пользую, нежели тлы словесъ языкомъ.« Въ слѣдъ за симъ говоритъ онъ выше приведенное первое мѣсто: »Братіе, не дѣпни бывайше умы и пр.« — Говоритъ языкомъ, но еспьвнупреннимъ языкомъ, сердечно, вдохновеннымъ моленіемъ глубины душевной, языкомъ, только для избранныхъ понятнымъ — Апостоль намъ совѣтуентъ и желаетъ того. Но лучше, говоритъ, сказать пять словъ умомъ, но еспь, ясно, доказательнo, сообразно образу понятній слушающихъ, дабы и ины, наши ближніе, имѣли ошъ того пользу, — лучше въ шакомъ случаѣ

умомъ сказать пять словъ, нежели тыся словою языкомъ. И такъ не дѣльми по уму велишь бышь въ такомъ случаѣ Апостолю, а совершенными, единственню для полезнаго служенія ближнимъ.

Другое приведенное мѣсто сказавъ, Апостоль потчасъ прибавляешъ: »Да не бываемъ кпому младенцы, влающея и скипающея всякимъ въпромъ ученія во лжи человекешей, въ коварствѣ козней лщенія.« (Ефес. 4, 14.) Здѣсь опять очевидно, что Апостоль велишь намъ вооружаься совершенствомъ ума лишь для пропивоборства духу лжи, хитрому искусству обольщеній и для того, чтобы духъ нашъ не былъ колеблемъ и увлекаемъ всякимъ въпромъ ученія, а ни мало не пропивоорѣчимъ слову Спасителя и не утверждаешъ, что мы должны бышь мужами совершенными для вшеспїа въ Царство истиннаго совершенства. Безъ сомнѣнїа облеченіе во всеоружіе вѣры, надежды и любви естъ основное, главное вооруженіе пропивъ духа лжи; но живя въ мїрѣ, будучи окружены со всѣхъ сторонъ самыми искусными опрядами войска темнаго, можемъ ли мы при слабости нашей, не имѣя понятїа обо всѣхъ ухищренныхъ нападѣнїяхъ Свѣтоносца, бышь увѣрены, что останемся не поколеблен-

ными въ нашей вѣрѣ, надеждѣ и любви? Имѣя предназначеніе быти обращенными въцѣльми нашими къ ближнимъ, мы, дерева живыя, обязаны спараться и дѣятельно молиши Бога и о томъ, чтобы плодоносящія въцѣльи наши, равно, какъ и все дерево, были шверды, мужеспвенны и не спрашились бы въспровъ и буръ и лжи и козней.

Во всемъ Св. Писаніи видны самыя ясныя подшверженія, что воспипаніе челоуька имѣетъ двѣ вышеописанныя цѣли, изъ коихъ первая, служеніе Богу, есть главная, но на землѣ безъ второй, безъ служенія людямъ, недоспающа. Вездѣ въ Св. Писаніи видно, что для доспиченія первой цѣли не нужно ни одного частнаго совершенства, а для доспиченія второй доспающе имѣти хотя одно частное совершенство, которое однакоже не должно быти сотворлемо кумвромъ, ибо въ такомъ случаѣ оно было бы главнымъ предметомъ стремленія челоуьческаго, что противорѣчило бы Священному Писанію, повелѣвающему дѣятельную любовь къ ближнимъ основывати на дѣятельной любви къ Богу.

Извлекии посильно основу всякой Педагогій изъ Священнаго Писанія, опомлемъ желаю-

щихъ имѣть ясное свѣдѣніе о доведеніи чело-
вѣка до первой цѣли, непосредственнаго слу-
женія Богу, къ Учищелямъ Церкви, и займется
разсмотрѣніемъ Педагогій, копорая, въ проши-
вуположность первой или Духовной, должна
быть названа свѣтскою.

ОБЪ ИНДЕЙСКОЙ МИФЛОГІИ.

Далеко на Воспокъ жилъ въ глубокой дре-
носпи многочисленный народъ, копорого про-
исхождение и Испорія шеряются во мракъ.
Лишь новѣйшее время спало его дѣлать болѣе
намъ извѣстнымъ, и спало раскрывать намъ,
согласно съ опривочными извѣстіями Грековъ
и Римлянъ о ихъ мудрецахъ, Брахманахъ или
Гимнософиспахъ, — его древною религіозною,
ученую и искусвенную образованность, воз-
будившую до такой степени удивленіе, что
спали было почипать Индію колыбелью че-
ловѣчества и испочникомъ всякаго вѣрованія
и вѣдѣнія и всѣхъ искусствъ. До какой сте-
пени въ семъ предположеніи ошибались, видно
уже и изъ того, какъ недоспапочны и не
шверды доказательства въ пользу онаго. Но-
вый родъ человѣческой послѣ всеобщаго попо-
па вышелъ изъ Арменіи, съ южной стороны

Кавказскихъ горъ, съ горы Арарата. Въ эпюмъ согласны древнїя и новыя изслѣдованїя и свидѣтельства нашихъ книгъ Опкровенїя. Персы называютъ сію гору Кухъ-Нухъ, что значитъ гора Нюя; и всѣ жителї спраны вѣряютъ въ древнее преданїе, что ковчегъ или развалины онаго до сихъ поръ находящяся на вершинѣ Арарата. (*) Но что сѣверная Арменїя или спрана Араратъ, а не Индїя есть колыбель человѣческа, это мы докажемъ подробнѣе и весьма просно Новымъ Завѣтомъ.

Пока мы Христїане, мы должны вѣровать въ свидѣтельства Новаго Завѣта, какъ въ самыя неопровержимыя. Христїанинъ не можетъ основываться на положенїи, которое въ послѣднее время спарались такъ подкрѣплять ложноупотребленною ученостью: что будно ученїе Новаго Завѣта, исключая нравственную его сторону, смѣшано съ Иудейскими предразсудками. Христосъ нашъ учитель; небо и земля прейдуть, но не прейдуть слова Его. Онъ, Истинный, много разъ ссылается на Моисея; и надобно знать, что канонъ Вѣтхаго Завѣта, какимъ мы его теперь имѣемъ, во время Христа давно уже былъ приведенъ въ порядокъ и заключенъ. Иисусъ Христосъ ссы-

(*) См. между прочимъ Схемн Розеншюмера къ книгѣ Бггтїя 8, 1.

яется именно и на первых одиннадцать главъ кн. Бышійа, (на пр. въ 19. гл. Маше. 4; въ 8. гл. Иоан. 44; въ 24. гл. Маше. 37 и д., копорымъ спарались съ такимъ распоченіемъ учености дать новое происхожденіе. Въ десятой изъ сихъ главъ предспавленъ намъ списокъ первобытныхъ народовъ, опъ конкорыхъ произошли все нынѣшніе. Между ними не упоминается объ Индейцахъ или Индусахъ; ибо неосновательное предположеніе одного ученаго, что въ 22. списхъ *Лудъ* есть описка, вмѣсто *Гудъ*, *Годъ* или *Гендъ*, доказываетъ только, что Индусовъ дѣйствительно здѣсь нельзя найти, точно также какъ неосновательно причислять ихъ къ Симову поколѣнію, погда какъ они по языку должны принадлежать къ поколѣнію Яфешову. — Изъ всего этого должно заключить, что народъ Индейскій не за долго до Авраама или не долго спустя послѣ его образовался, распространился и получилъ свое имя; изъ какого первобытнаго племени, не знаемъ. Лишь въ позднѣйшее время являющіяся Гинду или Индусы въ Библии, въ книгѣ изъ Персидскаго времени, книгѣ Эсфирь, гдѣ они называются *Годду*, то есть *Гонду*. Но Сирски и Эѳіопски называются они *Генду*, по Арабски *Гендъ*. Сиранио было бы утверждать, что Моисей не зналъ ихъ. Онъ безъ сомнѣнія

не зналъ и не видѣлъ ихъ между нѣкими народами, копоры непосредственно произошли отъ сыновей Ноевыхъ, и извѣстны были до Авраама. Но на сихъ-по и ихъ роды, какъ непосредственныхъ обладателей и хранителей Божественнаго опкровенія, обращено было его вниманіе. Что *Гинду* были и населяли плодотворныя страны по Инду, Гангесу и далѣе уже во время Моисея, это вѣроятно, но въ тогдашнее ли время или послѣ него приняли они мудрость, копорой персодѣшнымъ оспанкамъ мы дивимся, оспаенся неизвѣстнымъ. Ибо, хотя всѣ народы отъ Ноя обладали святымъ преданіемъ, въ копоромъ неоспоримо заключалось весьма многое, заключалось непосредственное опкровеніе Божіе, заключалась твердая надежда на пришесивіе Спасителя: но они скоро удалились отъ чистой мудрости прародителя своего; а милосердая любовь Божія пробуждала отъ времени до времени между всѣми народами свѣжее познаніе и новыхъ возстановителей онаго, и устраивало также переходы онаго отъ одного народа къ другому. Мы видимъ это въ призваніи самого Авраама и Моисея, видимъ въ древнихъ богобоязливыхъ Короляхъ Эгипта и Герара (Быт. 12 и 20), въ Мельхиседекѣ (Быт. 14), у Египтянъ во время Иосифа, и даже до времени вос-

липанія Моисея, у Аравіянъ во время послѣдняго. Если это познаніе и разумніе Божественныхъ вещей было и различныхъ степеней, и мѣстами опъ древней символики сильно пошемялось, то все оно было богопознаніе, которое возрождается во всякомъ, кто его истинно ищетъ, и которое, какъ сказано въ книгѣ мудрости, шворитъ Богу друзей и Пророковъ. Мы находимъ опять это познаніе въ Соломоново время у жителей Тира, у Королевы Сабы, сихъ друзей и союзниковъ Давида и Соломона въ народѣ Господнемъ. Ибо народъ Израильскій былъ и оставался, до самаго духовнаго преобразованія своего въ Христіанство, черезъ которое имя его получило обширнѣйшее значеніе, ближайшимъ къ солнцу опкровенія. Но и идолопоклонники, которые того хотѣли и просили, не были также лишены лучей его, до великаго періода, когда оно вполне для нихъ возшло; и опъ сихъ-то лучей, опъ времени до времени къ народамъ проникавшихъ, снова возникали зародыши, которыхъ корни съ первобытныхъ временъ прародительскихъ насаждены были въ землѣ каждого народа. Язычникъ не есть еще необходимо идолослужитель; язычники значить то же самое что народы или языки. Предъ Богомъ есть только два народа: именно народы или языч-

ники вообще и между ними одинъ народъ избранный, въ древнемъ союзѣ малый преобразительный народъ Авраамитянъ или Израилитянъ, а въ новомъ союзѣ, теперь болѣе невидимый нежели видимый, духовный Израиль, который предопредѣленъ всеѣмъ другимъ народамъ Божиимъ сообщать свѣтъ, ихъ все принять въ себя и пребыть во вѣки. Его свѣтъ поглотитъ наконецъ свѣтъ всеѣхъ язычниковъ, когда самъ достигнетъ полнаго блеска. (*)

Теперь же, не зная сокровища нашей собственной, намъ Богомъ данной мудрости, забывая ее, даже понося, мы, собирающіеся оживить сію мудрость, мы какъ на моленье спрашиваемъ, душевною жаждою влекомые, къ мѣсячному сіянію народовъ. Вгляни, все небо усыяно звѣздами; одна звѣзда превосходитъ другую въ блескѣ. Если закроешь днемъ глаза, чтобы чинить ночью при свѣтѣ мѣсячномъ и при звѣздномъ мерцаніи: по на себя пѣнай, когда буквы предъ тобою спускаются и зарыбаются въ глазахъ у тебя. Посмотри мракъ

(*) *Достигнетъ*: кажется не важное дѣло, одно слово, но ясно обнаруживаетъ оно не буквальность вѣрованія Г. Мейера. Не *достигнетъ* полнаго блеска, а снова, то есть во второй разъ, явится въ полномъ блескѣ свѣтъ избраннаго народа, и явится для суда, и явится по совершеніи всего предреченнаго, а не поспешенно черезъ человѣческія усилія.

покрываетъ царство земли и тьмою объятъ народы. Но уже не ясная, не свѣтлая полночь съ полнымъ мѣсяцемъ, свѣтъ днѣ замѣняющимъ, теперь у народовъ, у всѣхъ народовъ; разсвѣтлый шуманъ ихъ окунулъ, но нечего прогнать взоидающее (*) солнце истины, небы гонимое свѣтитъ съ минуты рожденія своего. И въ его снвнн народы наконецъ забудутъ все старое и укоромъ небы возстанутъ въ день суда.

Библия указываетъ намъ во всемъ истинный путь особенно въ проповѣдованн Эвангелія язычникамъ. Мы часто случалось свидѣванн Миссіонарнмъ, которые отправлялись въ земли язычнковъ, и именно въ Индію, имѣли они подражали Павлу, который проповѣдовалъ Авинянамъ неизвѣстнаго Бога, какова они сами почитали, не зная иного. Если естн какое нибудь свнн истины въ древней вѣрѣ язычнковъ, (а у Индейцевъ много такихъ свнн), согрѣшатъ и полтватъ его; короче, Миссіонеръ долженъ говорить сообразно съ истинною, что онъ пришелъ проповѣдывать Того Бога и Спасителя, о которомъ они имѣли лишь темное понятіе, ими наследованное и искаженное; онъ долженъ, если возможно, изъ ихъ собствен-

(*) Почему лишанн нашъ языкъ прекраснаго будущаго причастія, когда оно естн въ немъ?

ной вѣры убѣждать ихъ къ спасенію. Тотъ же самый ходъ долженъ быть избираемъ и при обращеніи Жидовъ. (*)

Множество книгъ, съ пѣхъ поръ какъ овладѣли Европейцы Индією, ознакомили насъ съ системою Индуизма или Брахманизма, съ спихотворными и художественными произведеніями Индіи; и литература сія съ нѣкопорого времени спала было достигать самаго цвѣтущаго состоянія. Великія, правда, приобрѣтены сокровища, но болѣе для землепознанія и народопознанія, для фантазіи и вкуса, для человѣческихъ наукъ, нежели для духовной испины и для истинной философіи. Между пѣмъ весьма опаснымъ препятствіемъ сдѣлались эти черезъ мѣру уважаемыя сокровища для нашего дальнѣйшаго усовершенствованія и легко могутъ превратиться въ душеубійственное орудіе. Впрочемъ мысль, искапъ въ развалинахъ Индейской образованности начала всякой Вѣры и всякаго вѣдѣнія, есть собственно только плодъ близорукаго удивленія всему новому и незнакому, и поному двойное невѣжество.

(*) Предлагаемый способъ есть совсѣмъ не тотъ, которому слѣдовали Иезуиты и Аббаты Дю Буа, будучи Миссіонаріемъ въ Индіи; они приписывались къ самому идолопоклонству. См. *Archive du Christianisme*, 11. и 12. книжки 1823. и 2. книжку 1824. года.

Сколько однакоже ни доходимъ до- насъ Индейской мудрости, все еще мы видимъ великій недоспапокъ въ порядочномъ расположеніи ея и въ числомъ сводѣ ея съ ученіемъ Браминовъ, котораго сходство съ Христіанскою догматикою и возбуждаетъ наше удивленіе. Мы собираемъ, сравниваемъ, поясняемъ и переспровиваемъ Персидскую, Съверную, особенно же Индейскую Мифологію и ищемъ въ нихъ назиданія. Все это мы дѣлаемъ побуждаемые ложною любовью къ истинѣ, или лучше сказать, по отвращенію, которое чувствуемъ къ высочайшей истинѣ предъ нами начерпанной. Но что же бы мы сказали, если бы все собранное нами разсмотрѣвъ внимательнымъ глазомъ, узнали бы, что во всемъ этомъ ничего инаго не заключается, кромѣ того, что мы уже давно гораздо лучше знали, или что по крайней мѣрѣ могли найти въ нашихъ собственныхъ старинныхъ областяхъ, что все это не что иное, какъ только тѣнь той сущности, которая, невѣдомая намъ, хранится въ рукахъ нашихъ? Хотя, правда, нѣкоторые Комментаторы и начали уже разсматривать баснословія съ сей точки зрѣнія, но между тѣмъ другіе все еще хотятъ видѣть и въ нашемъ Священномъ Писаніи одни только мифы и спихотворенія, которые либо очень мало

превосходящъ, либо вовсе не превосходящъ языческихъ мифъ. Это-то послѣднее заблужденіе особенно и пребудетъ, чтобы первое воззрѣніе на Мифологию было пополнено и очищено.

Если разсмотримъ внимательнѣе, то символическій пантеонъ ученій о богахъ вездѣ соспишетъ изъ оплошворенія опкровеній, свойствъ, силъ и исхожденій единого Бога, котораго все народы знали опъ прородителемъ своихъ. Къ первому образному представленію единого Бога и къ раздробленію единства Его на различныя божескія существа присоединились многіе другіе поводы къ заблужденіямъ, какъ-то: смѣшеніе невещественнаго съ вещественнымъ, Божества съ Природою и ея видимыми частями, которыя сначала представляются символами опкровеній и силъ единого Существа, а въ послѣдствіи спановятся идолами; символическое или и не символическое обогошвореніе людей; принятіе демоновъ въ рядъ поклоняемыхъ существъ, облеченіе ихъ въ символическіе образы божеспвенныхъ силъ, до ужасовъ злой магіи; наконецъ спрасъ къ пустой игрѣ образности въ словесныхъ и полипическихъ искусствахъ. У нѣкоторыхъ одичавшихъ народовъ главная основа совершенно исчезла и остались одни суевѣрные опривки изъ первобытной системы вѣрованія; у дру-

гихъ, благороднѣйшихъ, все это такъ роскошно развилось и образовалось, что наконецъ соспавилась обширная, прекрасная ткань почти непонятныхъ формъ, въ копоры спарались вѣсннхъ всѣ желанья и загадки духа человеческого, удобнѣе разрѣшавшися въ первобытномъ мѣрѣ; наконецъ однако оставили эптошъ трудъ и обратились къ голымъ созерцаніямъ ума. Лишь немногіе мудрецы во всѣ времена понимали истинное значеніе мнѣологіи и осшавляли свои здравыя понятія въ наслѣдіе немногимъ изъ своего народа, бывшимъ въ сосшояніи объясняшь ихъ. Но человѣческая близорукость и основные пороки сердца, чувстввенность и грѣхъ, водимые властью зла, всегда обращали къ погибели то, что сотворено было для блага.

Такъ объясняющся всѣ баснословія народовъ. Такимъ же образомъ должно бышь объясняемо и ученіе Индусовъ; а объясненіе этого баснословія можешъ служншь въ поже время ключемъ къ объясненію всѣхъ прочихъ мнѣическихъ системъ, въ копорыхъ свѣшъ первобышной истины еще глубже скрылся подъ оболочкою символовъ. Впрочемъ чище и Индейскаго и менѣе испорчено образованіемъ къ споронѣ Поэзіи или Меташфизики ученіе Персовъ. Но вездѣ между народами чистое вѣрованіе и познаніе онаго уклонялись къ богошво-

реніямъ формъ и образовъ, за копорыми по большой часпи наконецъ слѣдовали, и въ самой Индіи, самыя ужасныя безумія и безпорядки. Мы бы все это совершенно ясно могли видѣть, если бы символическая мудрость Эгиптянъ, бывшихъ наконецъ самымъ ужаснымъ идолослужительнымъ народомъ древности, была для насъ доспашочно раскрыта.

Основаніе, на копоромъ мы утверждаемся, или испочникъ познанія, изъ копораго мы почерпаемъ — есть Израильско-Христіанское опкровеніе. А шакъ какъ и сіе опкровеніе въ Израиль вело за собою шайномудріе и шайношолкованіе, мы разумѣемъ шакъ называемую Каббалу, шо Каббала, разумѣется не въ испорченномъ и не въ помраченномъ видѣ своемъ, но будучи приведена къ испочнику своему, къ свѣту, можетъ служить намъ средствомъ къ освѣщенію шайныхъ мудросей языческихъ, на копорыхъ основаны Мифологіи. Ибо Мифологіи суть шолько одежда шайныхъ мудросей. Каббала опличается опъ Брахманизма и другихъ системъ особенно шолько шѣмъ, что въ ней Божественныя силы, свойства и проявленія опшались почти шѣмъ же, что они въ самомъ дѣлѣ суть, или по крайней мѣрѣ, по опшращенію Израиля опъ идолослужительства, не сдѣлались шакими лицами, копорыя могли

бы послужить поводомъ къ многобожію, а опѣнились другими формами, какъ-то членами, лиспьями, кругами; между шѣмъ какъ въ другихъ системахъ, особенно у Индусовъ, фантазія не знала границъ въ олицетвореніяхъ и обоготвореніяхъ, а разумонаблюденіе на оборотъ терялось въ безпредѣльныхъ пространствахъ мыслей, и въ соединеніи съ фантазією исчезало въ неспрѣйшихъ разукрашеніяхъ ихъ. Впрочемъ позднѣйшая Каббала имѣла и свои разукрашенія, какъ Брахманизмъ, углубляясь все болѣе и болѣе въ разыскашельныя частности, болѣе мнимо нежели истинно важные, такъ что даже позднѣйшее брахманство могло нѣкопорымъ образомъ хвалиться хорошимъ вкусомъ передъ нею. Обѣ системы, каждая своимъ образомъ, упончались, обезображивались, софистировались и миенировались, окостенѣвали и окаменѣвали, между шѣмъ какъ обрабошыватели слѣдили частности и терялись въ фантастическихъ экзальпаціяхъ, потому что потеряли изъ виду основу цѣлаго; и опѣ того-то происходили и секты и опдѣльныя поклоненія между Индусами, именно почишатели Вишну и почишатели Шива.

По ученію Индусовъ, *Брамъ* или также *Парабрама* было въ себѣ самомъ заключенное, безвидное и безполое, непоспижимое Божество

или вѣчная первобытная причина всѣхъ существъ. Это поже, что Зеруане-акерене, то есть безпредѣльное время у Персовъ въ Зендавестѣ, и то же что Эн-софъ или Орхан-софъ, то есть безпредѣльный или безконечный Свѣтъ въ Каббалѣ. Брамъ, стремясь любящею волею своею исходить изъ себя, проявляясь себя проякимъ видомъ, или лучеизліаніемъ себя — въ *Тримурти* или Троицѣ. Этого проишвенный нераздѣльный лучъ свѣта, (изъ котораго однакоже наконецъ, если не въ самомъ ученіи Брахманскомъ, то по крайней мѣрѣ въ представленіи народа, произошли три Бога), называется *Брама*, *Вишну* и *Шива*. Симъ премъ, почиаемымъ въ Брахманскомъ ученіи за вѣчноединое, приписываются различныя отправления, и обыкновенно: *Брамъ* сотвореніе, *Вишну* сохраненіе, *Шивъ* разрушеніе. Въ послѣдствіи между прочимъ чрезъ сіе послѣднее опредѣленіе смѣшано понятіе о духѣ Божіемъ съ понятіемъ о духѣ тьмы. Всюду дѣйствующій, несотворенный небесной огонь, превращенъ въ понятіи — въ разрушительное пламя. Но ошашки письменныя, до насъ дошедшія, показываютъ намъ, что прежде существовало правильнѣйшее понятіе: *Брама* былъ представляемъ опцемъ всего созданія, *Вишну* посредствующимъ словомъ, заключаю-

щимъ въ себѣ основаніе всего, хранителемъ, спасителемъ всей твари. По этому ему приписывались разныя появленія въ видимости, воплощенія и вочеловѣченія. Воплощеній приписывалось ему десять, двѣнадцать и болѣе; но всѣ они имѣютъ самую баснословную наружность, и явленія онъ въ различныхъ видахъ человѣческихъ и другихъ тварей. Безъ сомнѣнія и истинное вѣчное Слово было нѣсколько разъ на землѣ съ праотцами, вело Израиль чрезъ пустыню. Но только въ видѣ Ангеловъ; а въ нашу человѣческую плоть облекалось только одинъ разъ. Можешь быть впрочемъ служители Вишну ожидали и единственнаго, истиннаго воплощенія, можешь быть подобно тѣмъ волхвамъ Воспочнымъ и узнали въ опредѣленное время объ истинномъ воплощеніи; но нынѣ это истинное воплощеніе имъ болѣе неизвѣстно. Наконецъ *Шива* есть дѣйствительное или исполнительное начало въ Божествѣ, есть слѣдовательно духовное начало рожденія и смерти, произвожденія и разрушенія, но есть смерти и разрушенія того, что неподобно Божественному естеству, есть начало всей жизни въ твореніи и всего возрожденія. Въ семъ первоначальномъ понятіи *Шива* сходствуетъ съ претѣмъ Божественнымъ лицомъ истиннаго опкровенія. Но стихотвор-

ные мыслители Индейскіе выдумали еще лице, женское, и назвали его *Парашакти*, копорое сперва еспановилось матерью *Тримурти*, шо есть *Брамы*, *Вишну* а *Шивы* и попомъ, перставая бышь оною, становилось проишвенною женою ихъ. (Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

Соч. Док. Богосл. Протесп. Исов. *Мейера*.

Великое опкрытіе въ
ГЕРМАНИИ.

Великую мысль, божественную мысль, опкрыла наконецъ Германія. Вѣка пропекли въ ней свѣихъ бурями, вихрями, громами, но не слышала она, что бы высказывалась когда либо въ ней подобная мысль. Самимъ Богомъ возжжена она въ ней. Самимъ Богомъ брошено эпо сѣмечко небеснѣе на плевелами заросшшую ниву ея. Сколько моралистовъ - философовъ, сколько богослововъ верпѣлось около эпой мысли и не могли ее замѣнить! Какъ въ лѣсу густомъ, духомъ лѣсовъ вокругъ водимые, они все глубже и глубже въ глушь заходили, и не попадали на прямую дорожку; могущій владыка искусно умѣлъ отвлекать ихъ отъ ней. Наконецъ попалъ одинъ умъ на нее. Пойдутъ ли-то по ней всѣ другіе? Она узенькая дорожка, не заманчивая, не двѣшными усѣянная, не пѣ-

ниспыми липами, не апельсинными, не абрикосовыми деревьями обсаженная: узенькая, неровная, по скаламъ между горъ и пропастей вѣющая.

Вопь эпа мысли: *»Раздѣленіе обязанностей на три разряда, на обязанности къ Богу, къ людямъ и къ себѣ самимъ, принятое во всѣхъ учебныхъ книгахъ нравоучительныхъ въ Германіи, — ложно; изъ Священнаго Писанія извлекается раздѣленіе обязанностей только на два разряда, на обязанности къ Богу и обязанности къ ближнимъ.»* (См. *Медет. Kirchenz.* 1832 Januar.)

Великая мысль, не новая для вѣрующаго, но новая для міромудрыхъ! привѣнчиваемъ себя, утѣшительница, съ неба низпосланная, низпосланная не для одной Германіи, а для многихъ, многихъ, увлекшихся за нею! О, еслибы только ты не въ умѣ лишь оспалась, а и въ сердца людей перешла! О, еслибы зажгла ты жизнью неба сердца опечесива твоего! — Но выслушаемъ тебя далѣе —

Ни откуда изъ Священнаго Писанія, говоритъ сочинитель, не извлекается повѣніе о прехъ родахъ обязанностей нашихъ, которое у насъ въ такомъ общемъ ходу, и которое должности мы поному цольва не понимаемъ, что слышимъ повѣніе его безпреспанно съ самой долности нашей. Изъ Священнаго Писан

вѣя напрошивъ того выводится понятіе только о двухъ родахъ обязанностей. Тутъ упоминаетъ онъ о раздѣленіи десяти заповѣдей, на двухъ скрижаляхъ, на заповѣди предписывающія намъ обязанности къ Богу и заповѣди назначающія обязанности къ ближнему. Далѣе говоритъ; что заповѣдь Господня: »люби ближняго какъ себя« не есть предписание чпобы мы любили себя, но что напрошивъ Христіанская Вѣра рѣшиительно низпровергаетъ любовь къ себѣ и повелѣваетъ: ничего не дѣлать ради самаго себя, а все только ради Бога и ближняго, что безъ всякаго исключенія прошивны Христіанству выраженія: »эшимъ я самому себѣ обязанъ, я почишаю это обязанностью прошивъ самого себя,« и пр., если мы припомъ не думаемъ о чемъ нибудь, что бы основано было на обязанности къ Богу и ближнему.

Изъ этого-то ложнаго раздѣленія, говоритъ онъ далѣе, и происходитъ все возможное зло. »Совѣнывать любить свое любезное я на ряду съ Богомъ и ближними не значитъ ли внушать любовь, копорая *своего* ищеть; и не легко ли такое внушеніе проникаетъ въ насъ, когда уже самое сердце наше къ тому такъ склонно? Еслиже сверхъ того эта любовь къ самому себѣ, къ которой влечетъ насъ естествен-

венная склонность наша, если эта любовь еще освящается, принимаясь въ число заповѣдей, то не должны ли лишиться всѣ наставленія, которыя должны бы предупреждать нечистые порывы ея, не должны ли лишиться они тогда своей силы? Безъ всякаго сомнѣнія заповѣдь, предписывающая намъ любить себя, собираешь деньги для себя и пр. должна сильнѣе на насъ подѣйствовать, нежели заповѣдь указывающая намъ любить Бога, жертвовашь для него своими склонностями, всею личностью своею; потому что первая намъ самимъ нравится, а во второй мы не чувствуемъ естественной склонности. И очень естественно, что мы выберемъ послѣдованіе первой изъ нихъ, не только дозволенной, но даже и предписанной, точно такъ же какъ предписана и вторая. Потому не лзя не жалѣть, что это ученіе, во главу угла котораго поставлена любовь къ себѣ, проникло такъ глубоко въ Школу и въ Церковь. Рѣшительно можно сказать, что это ученіе имѣло большое участіе въ произведеніи печальныхъ происшествій, ознаменовавшихъ новѣйшее время. Люди, говоряшь, почувствовали, узнали свои естественныя права. Лучше бы, кажется, было, если бы они вмѣсто того узнали права, какія имѣютъ на нихъ Богъ и ближніе. Безъ всякаго сомнѣнія введеніе но-

выхъ Капихизисовъ съ предписаніемъ заботиться о себѣ, въ замѣну капихизиса Люшера, причиною, что въ новѣйшія времена шакъ упало уваженіе къ родителемъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и уваженіе къ власціамъ.»

Спашья эпа подписана 17. Декабря 1831. года въ Лейпцигѣ буквами М. К. — (Издапель газетны *позволяетъ себѣ* («erlaube ich mir») замѣнишь подъ спашьею, что *и онъ*, еще въ 1824. году, не одобрялъ раздѣленія обязанностей къ себѣ и къ ближнему. Какъ забыть себя?)

Найдемся ли кто нибудь, кто бы захопѣлъ оспоривать положеніе сочинителя? кто бы не согласился, что прерій родъ обязанностей, къ самому себѣ, лишь новая Философія вспавила въ учебныя книги Христіанскаго Нравоученія? покрайней мѣрѣ пропивъ приведеннаго сочинителемъ въ доказательство раздѣленія скрижалей, чрезъ Моисея Богомъ данныхъ, и двоякой любви, Богомъ воплощеннымъ намъ заповѣданной, нельзя привести ничего въ опроверженіе. Дѣйствительно, если заповѣдано намъ любить ближнихъ какъ себя, то изъ эшого, какъ и сочинитель говоритъ, ни мало не слѣдуетъ, что намъ предписано любить себя; тѣмъ болѣе, что въ столь многихъ мѣстахъ Св. Писанія ясно сказано, что себя, лицо свое, душу свою и все свое чело-

вѣкъ долженъ забыть для Бога, возненавидѣть, и *вѣдьмо* ограниченнаго, медочнаго себя — любимъ Бога, Который, какъ *Жизнь* всесовершенная, какъ *Матина* чистѣйшая, какъ *Любовь* свящѣйшая, долженъ быть для насъ началомъ и концемъ; долженъ быть жизнью жизни нашей, душою души нашей, нашимъ безпредѣльнымъ я, шѣмъ я, въ которое мы, возрождаясь водою и духомъ въ Христіанствѣ, должны облекатися. Пусть даже я долженъ любить себя; но тогда-ни я и люблю себя по Христіански, когда вмѣсто себя — люблю Бога. Когда я люблю Бога, то я уже исполняю всѣ возможные заповѣди въ отношеніи къ самому себѣ; и мнѣ не нужно ни какихъ другихъ заповѣдей, которыя повелѣвали бы мнѣ любить еще особенно себя, ибо въ такомъ случаѣ я имѣлъ бы цѣлью не вѣшью лозы сдѣлаться, а особенною лозою съ особеннымъ корнемъ. Если я истинный Христіанинъ, то я буду заботиться о здоровьи моемъ, о жизни моей, о просвѣщеніи, о спасеніи, объ усовершенствованіи себя на службу ближнихъ — не потому, что я я и долженъ любить себя, но вовсе безъ всякихъ видовъ и безъ всякихъ отношеній къ самому себѣ; я буду любить жизнь мою единственно изъ любви къ Жизни всесовершенной и для нея, буду любить свѣтъ просвѣщенія

ради Самого Свѣта Превѣчнаго, буду любить спасеніе свое и службу ближнимъ, любя Любовь, создавшую меня и хранящую и наказавшую и милующую меня. Если я истинный Христіанинъ, то я знаю, что все, что со мною и сдѣлаешь Богъ, есть благо. Могу ли же я повѣсь Ему отдаваться? Нужно ли мнѣ еще и самому любить себя и заботиться о себѣ, когда я, отдаваясь Богу, знаю, что Богъ будетъ любить меня и будетъ заботиться обо мнѣ? Нѣтъ, я даже и знаю и думаю не хочу, что Богъ, въ награду за мою любовь къ Нему, будетъ заботиться обо мнѣ; я думаю, что и одна уже мысль объ этомъ, одно предположеніе сдѣлаешь любовь мою къ Богу не безусловною, не всесердечною; хочу просто отдаваться Богу, просто любить Его, безъ всякихъ условій, безъ всякихъ предположеній. Себя хочу любить также, какъ ближнихъ; не ради лица моего, а ради Бога, ради Христа. Мнѣ не обидна такая любовь къ самому себѣ, не обидна такая любовь и другихъ ко мнѣ. Живя, единственно хочу любить Самую Жизнь, т. е., Бога; мысля, хочу любить не мои мнѣнія, а единственно Самую Истину; любя, хочу пылать не своимъ огнемъ, а единственно огнемъ Самой Любви, огнемъ Бога.

О вслибы наконецъ и Германія почувснво-
вала и познала, какъ инья области, ея не-
образованными называемыя, давно чувспву-
ють и знаютъ, — чпо нѣтъ обязанности
человѣка самого къ себѣ! Если бы она нако-
нецъ почувспвовала и познала, чпо такія со-
чиненныя ея въ новое время обязанности не
только обязанностями не могутъ быть наз-
ваны, но даже и правами, а собственно не чпо
иное сущь, какъ только припязанія нашего
маленькаго, крошечнаго я! Хотя бы почувсп-
вовала, не говоримъ о томъ, чпобы слѣдовала;
слѣдуютъ и у насъ, какъ вездѣ, не многіе, о-
чень не многіе. Но пусть бы не слѣдовала;
покрайней мѣрѣ сознаваясь, чпо не слѣдуетъ,
она не освящала бы заблужденія именемъ пра-
вила, и мелочной припязательности име-
ней обязанности. — и не сбивала бы и насъ
съ пути. Пусть бы, Богъ съ ними, служа
людямъ, служили лишь себѣ или своимъ,
пусть бы подъ видомъ служанія истинѣ и
просвѣщенію искали вѣнцовъ да червоищевъ;
пусть бы въ храмъ Того, Чья глава на крест-
номъ престолѣ была терніемъ изонзена, пусть
бы вмѣсто того, чпобы сокрушались серд-
цемъ и били себя въ грудь подобно мытарю,
пусть бы хлопошали себѣ объ удобствѣ, о
шомъ, чпобы не пихнулъ на нихъ въ церкви

сквозной въсперъ и пр. Богъ бы съ лимн; да
хощь бы посовѣспились по крайней мѣрѣ го-
ворипть, чшо это не слабоспи ихъ, а обязан-
носпи. —

Изь переписки
ЖАН-ПОЛЯ РИХТЕРА

съ

ХРИСТИАНОМЪ ОТТО.

(Продолженіе.)

О т т о к ъ Ж а н - П о л ю .

Воскресенье 23. Ноября.

Вѣрнѣй всего, кажешся, не забошишься
себѣ ни о чьемъ сужденіи, и полагаешься
только на образованное большинство, разу-
мѣешься съ оспорожноспью, чшобы не укло-
нишься опть всего, чего можешь быть и спра-
ведливо пребуюпть спрошпели Вавилонской
башни нашей Литературы. Гдѣ въ частнос-
пяхъ они правы, шамъ пусть и оспанутся
правыми; а въ прочемъ ихъ можно поразить
ихъ собственнымъ оружіемъ. Если когда ни-
будь нужно было вооружаться прошивъ безпол-
ковщины нашей Литературы, то это особенно
нужно теперь. Я охотнѣе и не съ такимъ
душѣвнымъ спѣсненіемъ гоповъ провеспи часъ
въ домѣ сумашедшихъ, нежели съ любимъ изъ

нашихъ умниковъ; нѣтъ ничего, болѣе приличнаго помѣшаннымъ, какъ ихъ бѣдный важничавшій тонъ, ихъ опивращеніе опъ всего обыкновеннаго, ихъ обновленный Грещизмъ, ихъ обдуманность и свобода, изъ копорыхъ послѣднюю только шѣмъ и доказываютъ, что безпрещанно выпавляютъ на показъ не обдуманная Эспиническія мѣрила свои. И хоть эша прещность и свобода ихъ, копорыми они какъ бы обливаютъ и разводятъ непрещность свою, не можеть доспавить имъ продолжительнаго владычества, но лѣтъ на десять можеть бышь удался имъ овладѣшь даже и большинствомъ образованнымъ. Соспояніе новой философіи, овладѣвшей кафедрами въ Университетахъ, духъ времени, революціонное волненіе и многое, кажется, предвѣщаетъ эшо. (А рггос! чиналь шы Шеллингову Систему Идеализма, въ копоромъ воспользовался онъ не однимъ якоремъ швого пророческаго Clavis Fichtiana? а Натуральная философія его еще болѣе въ эшихъ якоряхъ имѣеть нужды.)

9. Декабря.

Объявленіе, копорое шы напечаталъ въ газетахъ о себѣ, я долженъ почищать письмомъ ко мнѣ, пока шы не прервалъ своего молчанія со мною и не написалъ мнѣ настоящаго

письма. И хопя въ эпомъ газетномъ объявленіи все, что собственно до тебя касается, точно также исчезаешь, какъ въ послѣднемъ письмѣ своемъ между премо прекрасными дочерьми Тайнаго Совѣтника Майера исчезаешь средняя, побою избранная; однако я и пѣмъ доволенъ.

Воскресенье 14. Декабря.

Желаю чтобы исполнились мечты твои о женишбѣ еще въ 18. сполѣтїи. Опиши мнѣ твою подругу, и если хочешь поклонись ей опъ меня. День рожденїа прошелъ для меня очень радостно. Любовь добраго мнѣ преданнаго существа прогала меня до слезъ, которыя капилсь изъ глазъ каждый разъ какъ я взглядывалъ на нее. Я писалъ къ тебѣ въ эпомъ день, чиналъ Шеллингову Систему Транцендентальнаго Идеализма и проч. Вечеромъ собрались мы съ веселїемъ и любовїю вокругъ чайнаго стола. Весь день думалъ я о тебѣ, мой любезной, и рисовалъ себѣ твоей будущїи день рожденїа, который ты можешь бышь проживешь также въ семейномъ искренномъ кругу. Дай Богъ тебѣ это счастье! Будь здоровъ и пиши мнѣ. Твоей Опшо.

Ж а н • П о л ь в ь О п ш о .

Берлинъ 10. Декабря 1800. года.

Наконецъ принимаюсь писать тебѣ длинное письмо. — Прежде всего о моей Каролинѣ. — Отецъ ея — философская, Канповская опкрытая голова, и чрезвычайно нравственный, чувствительный и исполненный любви чловѣкъ — воспитанъ самъ четырьехъ дочерей своихъ (старшая замужемъ за Надворнымъ Совѣшникомъ Шпацеромъ, претъя живущая у матери, выходишь теперь за Мальмана.) Онъ съ женою въ разводѣ — и дѣти живуть (но по обуюдному согласію) въ любви съ матерью; онъ чипаетъ съ ними по вечерамъ Руссо и проч. и далъ имъ — особенно съ помощію исполненнаго жизни Кизевешера — философскую помировку. Часно, когда дочь съ опцемъ вечеромъ со всею искренностью прощаюшся, мнѣ больно бываешь думать о будущемъ разрывѣ ихъ. Но какъ изображу тебѣ это святое сердце? Во первыхъ въ ней всѣ хорошія спороны моихъ прежнихъ Каролинъ, во вторыхъ ни одной изъ ихъ дурныхъ споронъ, въ третыхъ здоровье ея несравненное, красота (глаза крошкіе и, что между Нѣмками рѣдко, черные, лобъ Мадоны, художественная шея, и румянецъ, и все) самоопверженіе въ любви несравненное, скромность, опкровенность и

проч., пламенная любовь ко мнѣ не пренебрегаетъ ни мало ея любви къ людямъ и участію въ нихъ. У ней есть самыя горячія приятельницы между женщинами и дѣвцами разныхъ званій (ибо здѣсь даже въ общесѣвахъ, гдѣ сполько игорныхъ компаній, сколько въ другихъ общесѣвахъ игорныхъ споловъ, соединеніе между всеми сословіями совершенно, безъ малѣйшаго шва); и посѣщенія, копорымъ послѣ нашего сговора числа нѣтъ, доказываютъ вполне сколько въ Берлинѣ насъ обоихъ любятъ. — Какъ нѣвѣсту мою, не одинъ глазъ подвергаетъ ее огненной пышкѣ, копорую она однакоже переноситъ невредимо. — Чшо я прежде лишь заблуждался, и чшо лишь теперь не заблуждаюсь, и чшо никогда я самъ небылъ виноватъ — теперь я вижу ясно, пошому чшо почти въ продолженіи трехмѣсячной нашей жизни вмѣстѣ у меня небыло съ ней ни одного шуманнаго, не говорю уже бурнаго часа, безъ копораго прежде не проходило ни одной эротической недѣли. — Я люблю ее всеми юношескими силами сердца и всеми Несмурскими силами ума. Я ее даже наряжаю — самъ не рожусь — пошому чшо она холодна къ нарядамъ, (впрочемъ не къ дѣвственной опрятности ихъ), и сполько для меня не чуждается ихъ, чшо доказываетъ ея прекрасное новое голубое

платье. Я ей подарилъ бѣлое атласное платье въ чепыре Луидора и шляпку въ одинъ Луидоръ. Если бы я могъ сердце мое превратить въ золотое и вмѣсто украшенія повѣсить на ея сердце, то вынулъ бы его. Между нами нѣтъ ничего, что бы могло охладить и разлучить насъ, кромѣ смерти. Опець уважаетъ, дочь богопворитъ меня.

14. Декабря.

Еще въ эпюмъ спользѣнн должно бытъ опшравлено эпю письмо. Такъ какъ она не любитъ, что бы письмо, которое она пишетъ къ Э. лицу, читалъ кто нибудь другой (хотя бы и я) впрочемъ она мнѣ предлагала — что ты получаешь письмо отъ нее прямо.

Пиво и мѣспопоможеніе принуждаютъ меня не позже весны переселиться изъ эпихъ палаты радости. Куда? — самъ скажи! — и въ бракъ. Тишанъ будетъ только въ 13. листовъ; прибавленію больше. — Пришли мнѣ письма К., которыя у тебя оспались, я долженъ ихъ всѣ ей опослать. — Добрая Графиня С., которую лѣтъ за 8 я лучше бы могъ разгадать, — вѣрнѣйшаго, шеплѣйшаго, дѣпскаго характера. Она умѣетъ жершвовать всѣмъ — даже волею — такъ, какъ ни однаженщина

не умѣешь. Она любила меня со страстью, и хотѣла выйдти замужъ за меня; объ этомъ я узналъ опъ нея только тогда, когда она, получивъ извѣстiе о моемъ сговорѣ, заболѣла — я привелъ къ ней *** — и онъ — послѣдовалъ попоку, который посдеценно превращился въ съ спремшельную рѣку; а эта рѣка къ веснѣ прибѣшетъ его къ брачному берегу. —

Ц Ш О К К Е.

Въ Парижскомъ L'hermite en Suisse напечаталъ какъ-то одинъ путешественникъ слѣдующее: »Недалеко опъ Аарау, среди густаго лѣса, находится жилище человека, котораго имя съ нѣкошораго времени очень часто упоминается въ нашихъ журналахъ, Сочинителя романовъ, Стихотворца, Филолога, Испытателя Древностей, Историка, и — не смотря на всѣ эти права на славу — въ Швейцарiи весьма мало извѣстнаго. Когда я спросилъ хозяина своего о жилищѣ Цшокке, онъ смотрѣлъ на меня неподвижно и молчалъ. Я повторилъ шрудное для выговора и неблагозвучное имя, онъ выговорилъ его за мною и обратился къ нѣкоторымъ изъ гостей своихъ. Всѣ, казалось, такъже мало знали объ немъ, какъ онъ. Наконецъ одинъ, поперши лобъ и долго не спуская глазъ съ крышки пивнаго стакана своего, воскликнулъ: »Цшокке, Форстинсекшоръ!“ Тутъ всѣ какъбы пробудились, всякій повторилъ его имя и прибавлялъ что

дѣлать, что доказывало, что онъ великаго человѣка совершенно знаетъ. — »Цшокке! да, да, маленькій спаренкій человѣчекъ, фушовъ въ пять вышины!« — »Цшокке, Форспѣинспекторъ, семидесяти лѣтъ! ходишь немного согнувшись!« гов. другой, — »Цшокке, что часа на два опъ сюда живешь; его домъ издали видно!« прерпий. — »Знаемъ ли его? онъ ходишь въ зеленомъ сюрпукѣ, прекрасный человѣкъ, почтенный человѣкъ!« — Вотъ буквально слова ихъ. Но невозможно изобразить изумленія и шумной радости сихъ дюжихъ Швейцаревъ, когда они услышали, что имя Цшокке въ пакомъ уваженіи во Франціи, что онъ сочинилъ Испорію Швейцаріи, пишетъ романы исполненныя жизни и занимательности, повѣсти привлекательныя. Они едва вѣрили слуху своему. »Мнѣ было не прудно получить доступъ въ домъ Цшокке. Достопочтенный мужъ встрѣнилъ меня привѣжливо въ своемъ зеленомъ праздничномъ кафтанѣ. Мнѣ казалось что я вижу предъ собой духъ Лафалпера, я началъ разговоръ обыкновенными комплименстами, копорые Цшокке принялъ очень скромно. Глаза его однако засверкали радостью и почти всѣ морщины изчезли съ лица его, когда я сказалъ ему объ успѣхѣ романовъ его во Франціи. Онъ ошвѣчалъ похвалами опечесшву моему, и нашимъ Писателямъ, копорыхъ онъ всѣхъ знаетъ. Онъ довольно легко выражается по Француски; примѣчно однакоже, что онъ преимущественно изучалъ нашихъ старинныхъ классиковъ; въ его разговорахъ встрѣчается множество выраженій изъ *Аллиота*, *Рабелэ*, *Монтеня*, копорыхъ онъ почти наизусть знаетъ. Онъ говоритъ ни папешически ни даже краснорѣчиво, но съ живостию,

съ оригинальностію, и карпинно. Какъ во Французскомъ языкѣ, пакъ, сказываюпъ, и въ Нѣмецкомъ, онъ мало заботишся о мнѣніяхъ спротивныхъ грамошеевъ, когда какая нибудь картина удачно можепъ осушеспвипъ его мысль. *Юганнъ Миллеръ* ему кажется слишкомъ изысканнымъ и напьянушымъ; онъ предпочишаепъ ему Швейцарскаго Хрониспа *Чуди*, какъ болѣе естеспвеннаго и оригинальнаго.

Не долго нужно говорипъ съ Цшокке, чшо-бы узнапъ его полишическія мнѣнія. Онъ духа Вильгельма Телля и Вальпера Фюрспа.

Онъ вспаепъ очень рано, и пишетъ часовъ десять въ день. Въ заняпяхъ своихъ не держишся ни какаго непремѣннаго порядка; но переходипъ, какъ ему вздумается, отъ главы романа къ Историческому изысканію, отъ Философскаго изысканія къ вопросу Геологическому. Сею послѣднею наукою занимается онъ съ особенною охотою, и когда разговоръ случайно попадепъ на нее, шо онъ сполькоже многословенъ, сколько неисшощимъ.

Французскій переводъ, его Исторіи Швейцаріи ему, какъ замѣтно, не очень нравишся. »Господишъ *Манже*, котораго искусство я уважаю,« сказалъ онъ, »одѣлъ меня въ прекрасное плашье, вышипое и бахрамами обшипое, какое носипъ придворные: это одѣяніе не прилично Швейцарцу стариннаго времени.

Моя Исторія писана для народа; я хошѣлъ простотою сдѣлапъся общепоняшымъ; а здѣсь заставляюпъ меня говорипъ, какъ пишеть Гораций. Прекрасно это, можепъ быть, но уже болѣе не мое сочиненіе.

Во всемъ виноватъ Г. В., которому угодно было въ своихъ письмахъ о Швейцаріи разхва-липъ мою Исторію, какъ образцовое произве-

деніе. Ему повѣрили безусловно, и такимъ образомъ я услышалъ, въ одинъ прекрасный вечеръ поливая цвѣты мои, что меня собираются перевести на Французскій языкъ и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ читаю въ журналахъ величайшія хвалы. Справное мѣсно Парижъ: нѣсколько списавъ въ его листкахъ сдѣлали меня въ самой Швейцаріи болѣе извѣстнымъ, нежели всѣ мои сочиненія, которыя уже проспираются, какъ бы вы думали?» сказалъ онъ иронически улыбаясь, »до 50. томовъ. Цѣлая лавка книжная, подумаете вы; не смотря однакоже на то, я могу объѣхать всю Швейцарію, не будучи даже замѣченъ. Вы первые обратили на меня вниманіе моихъ соотечественниковъ.«

Я спросилъ Цшокке любите ли онъ путешествія. »Люблю« отвѣчалъ онъ, »но только по моей библіотекѣ. Въ мои зѣпа мертвые привлекаютъ живыхъ, и по очень важнымъ причинамъ. Иногда однакоже я предпринимаю прогулки въ горы, гдѣ не рѣдко случается мнѣ опыскивать довольно рѣдкія минералы, какихъ еще нѣтъ въ моемъ собраніи, также иногда встрѣпшися съ Швейцарцемъ стариннаго времени, что еще большая рѣдкость. Когда я такого встрѣчу, то у меня есть занятія на цѣлый день. Я раздѣляю съ нимъ его простой споль, сплю подъ его кровлею, и разговариваю съ нимъ. Часто обогащаю я чрезъ это языкъ Нѣмецкій выраженіями, полными жизни, оригинальными и живописательными, которыхъ на Французскій языкъ ни какъ невозможно перевести.« —

КОШЕЧИЙ СОВѢТЪ.

Басня.

Въ какой-то кладовой
 Лежало шпожество мѣшковъ съ мукой.
 А чтобы мыши той муки не поормонили,
 За эпитъ въ кладовой шеснь Кошекъ жналъ,
 Подъ управленіемъ Копа.
 А Копъ былъ свойства не простаго —
 Обшохалъ многія мышинья мѣста,
 Съ проста не промиучилъ слова.
 И не обдумавши шага не дастъ;
 Толстъ, сѣръ, великъ, глазастъ —
 Ну словомъ цонскасть Копа такѣва. —
 Вдругъ узнастъ оиъ подчиненныхъ Копъ,
 Чшо въ ихъ амбаръ вступивъ, мышинный родъ
 Безъ милосердія мѣшки грызетъ.
 Начальникъ — Кошекъ созываетъ,
 Всѣхъ по чинамъ сажаетъ
 И дѣло то имъ предлагаетъ,
 Съ вопросомъ: какъ шунгъ поступить?
 Кшо гворитъ: мышей переловить,
 Чтобъ въ кладовой ихъ не было и духу;
 Иной швердитъ: сперечь ихъ лучше въ уголку;
 Иные же не вѣрятъ даже слуху,
 Чшо мыши могутъ вѣшь муку.
 »Да, карауливалъ и я сарай бумажный,«
 Копъ, вставши, говоритъ, съ осанкой важной,
 »Сидѣлъ и въ виномъ погребу,
 Однакоже, благодаря судьбу,
 Виданъ мнѣ не случалось,
 Чтобъ мышъ мукой шипалась;
 Бышь можешъ — такъ они, шаялтъ;
 А по сему обѣ эпитомъ дѣлъ
 Подумавши рѣшимъ на будущей недѣлѣ;
 (А мыши между тѣмъ муку себѣ вдилятъ),

До пѣхъ же поръ рекомендую
 Изъ пѣхъ мышей не прогнать никакую.»
 Узнавъ мышинный родъ,
 Чшо пакъ умно распорядился, Копъ
 Еще смѣлье за муку приплелъ.
 Вопъ Кошечій онянь собрался компентъ,
 Онянь о способахъ, о средствахъ шумъ подпялся,
 И слова пичего не кончилъ ихъ Советъ!...
 И долго Копки пакъ все собирались
 Да собирались,
 И до того дошолковались,
 Чшо оно всей муки
 Одни дыравые оспалися мѣшки.
 21. Апрѣля 1832.

Н. Венцкій.

Л и с т о к ъ.

Весело, думалъ ты, жить на свободѣ! сладко, мечталъ ты,
 на крыльяхъ въира носншься по неизмѣримымъ пустынямъ воз-
 душнымъ! Вдали ошь роднаго дерева, думалъ ты, и воздухъ ды-
 шещъ приащъе, и солнце свѣтншь яснѣ. Бѣдный лиспокъ!..

За чѣмъ ты желалъ опорваться ошь въпка родной? За-
 чѣмъ плѣнениому далью невидимой — не сладкимъ казался тебѣ
 живительный сокъ, которымъ пипалось все дерево пвое! душ-
 нымъ казался воздухъ, которымъ дышали все листья, поварищи
 пвои?.... Польщанъ ты хошѣлъ, какъ ппичка свободная!....
 Бѣдный лиспокъ! Опорвалъ тебѣ въперъ ошь дерева роднаго!
 поичалъ тебѣ въперъ на поле широкое! по къ небу подыментъ,
 по къ долу опуснншь, бросаетъ какъ хочешъ по морю воздуш-
 ному! Бѣдный лиспокъ!

Въперъ упнхъ, — ты упалъ, обезсилелъ, на землю!...
 Жажда помншь тебѣ: кпо напоить? въпка родная далеко,
 вянешъ ты: кпо оживнть? въпка родная далеко! Сохнешъ —

опъ вѣтки родной оплученный!... Бѣдный листокъ! Бѣдный листокъ!....

Такъ не малиновка пѣла на закатѣ солнечномъ, тихо качаясь на вѣткѣ глбокаго клена, не листокъ, занесенный опъ дальняго бора, сохъ на пропаланиѣ; — такъ юноша, опорванный опъ дерева Вѣры Христовой, въ раздуми стоялъ на закатѣ дней весны своей, и духомъ скорбѣлъ, и сердце сохло въгрудѣ его.

Новорожденному сыну И. И. Б — на.

Осень встрѣпила себя,
 Госинь земли новорожденный!
 Въспрь осеннй бушевалъ,
 Небо сврое лежало
 Надъ приморскою скалой,
 Гдѣ въ объятія къ счастливицамъ
 Ты съ небесъ твонхъ слепѣлъ;
 Море пѣшилось и зябло
 У подножія скалы,
 Вкругъ нее поляны вяли,
 Облепалъ поблеклый листъ.

Но природы духъ живой
 Въ бушеванн бурь осенныхъ
 Жизнью высшею живетъ,
 Дышетъ жизнью всемірной.

Будь же, опрокъ, для себя
 Осень въспинкомъ счастливымъ,
 Что не суешносн блескъ,
 Вянуцій какъ листъ древесный,
 Но неплынный, вѣчный свѣтъ
 Твоей жизни путь освѣтшилъ
 И твоей духъ воспламенилъ
 На землѣ жить — лишь для неба!

Ревель, 1850. года 2. Септлбрл.

Сужденіе Нѣмца о Россіи.

Въ Мюнхенскаго Журнала: das Mißland, помѣщенъ былъ какъ-то въ послѣднихъ годахъ взглядъ на Русскую Литературу и Поэзію, почерпнутой преимущественно изъ учебной книги Г. Греча. — Воишь нѣсколько словъ сочинителя сего взгляда, показавшіяся намъ замѣчательными:

«Кто за полстольпія спрашивать въ Англіи или Франціи, естъ ли у Нѣмцовъ Литература, получалъ обыкновенно въ отвѣтъ, либо, что Верхне-Нѣмецкое нарѣчіе естъ самое варварское и неблагозвучное изъ всѣхъ новыхъ языковъ и совершенно неспособно къ краснорѣчію, либо, что ихъ писатели бесположковые комментаторы, и неспособные педанты; а о Поэзіи Нѣмецкой и подумати только — показалось бы тогда нелѣпостью. Естъ что-то похожаго и въ нашихъ понятіяхъ о Россіи. Мы встрѣчаемъ исковерканныя, неблагозвучными кажуціяся имена, рѣшительно полагаемъ, что никакой образованный языкъ и выговорить ихъ не можетъ, и увѣряемъ пономъ, что языкъ ни куда не годится.»

Заключасія эта спашья слѣдующими словами:

«Подобно столицѣ ея, Литература Россіи или мало или вовсе не представляетъ освященныхъ временемъ памятниконъ, воспоминаній прорекшей славы и проч.»

Первое мѣсто справедливо и беспристрастно; а последнее естъ точный снимокъ всѣхъ сужденій Иностранцевъ о Россіи. Увидѣвши приемную компанію великаго дома, Россіи, господа наблюдатели судяць по этой великолюбной, по новѣйшему вкусу для принятія ихъ усропной гостинной обо всемъ домѣ. Имъ вся Россія не шупя шакъ же новою кажется, какъ С. Петербургъ. Но пусть сердцамъ ихъ чужды Кремль священный, Кіевъ, Лавра Сергіева, Новгородъ и пр.: а то и мы, и мы сами, т. е., мы рабы-подражатели Европейцевъ, и мы вслѣдъ за гостями эними поскуемъ о молодости Россіи, и мы не видимъ и не чувствуемъ памятниконъ древней жизни Русской, и мы изъ

Германіи и Франціи смотримъ на Россію, а не изъ Россіи на всю прочую Европу. Непонятная учинивость госпипринименца!

Д У М А.

Блаженъ, кто про себя таняъ
 Души высокія созданыя,
 И оны людей, какъ оны могилъ,
 Не ждалъ за чувствна воздаянъ.

А. Пушкинъ.

О, мое чистое, святое вдохновеніе! святой восторгъ души, свободной оны земли! минуны свѣтлыя надземной, ясной жизни! я оживаю, я окривляюсь, лишь мысль объ васъ въ душѣ моей родилса. Я чувствую, я слышу, какъ, какъ прахъ ничтожный, исплываетъ вѣнхій чловѣкъ мой, я чувствую, я вижу, какъ, какъ фениксъ, въ новую жизнь воскресается духъ мой лишь пробудился объ васъ воспоминае! О чистыя струи живой Любви, живаго Свѣта! какъ сладостно мнѣ было поглощать васъ уснами духа, слезами и благодарные омыаго! О звуки сладкіе, ожившей арфы души моей! О міръ созданий, съ Богомъ примиренною душой рожденный! Я счастливъ вами быть, я былъ блаженъ, пока, какъ свѣтлыню, въ сердечной глубинѣ хранилъ васъ! — Но я раскрылъ храмъ груди, раскрылъ для взоровъ ближнихъ, и, о Боже! гдѣ мое блаженство! О созданыя свѣтлыя души, сокровище мое единственное на землѣ, мое неплявное, мое священное достояніе! я ближнимъ васъ открылъ и ближніе — васъ омыають у меня! и ближніе, которыми васъ я посвящилъ, какъ даръ любви, ближніе испоргають васъ изъ груди моей и бросають на пограниціе! И въ глазахъ ихъ вы не моей души ражденіе, вы не любовью Неба въ груди моей зачалы! —

Живое облачко, на волю вѣтровъ брошенное, я долго въ пустыняхъ воздушныхъ носится, и росъ, и мравиль, и гроза кипѣла не разъ въ груди моей, и молва пилала, и громъ роко-

паль . . . и долго, долго молнія и громы терзали глубину мою — по пролился я слезами дождя и — радуга примиренія заиграла въ живомъ дождѣ души обращенной. Богъ осушилъ слезы обратившагося свѣтомъ своимъ; а ближніе, ближніе —

Но нѣтъ, ты не правъ, Поэтъ! Нѣтъ, не блаженъ, кто про себя псалъ души высокаго созданія. Блаженъ, кто въ мрачной глубинѣ не скрылъ святаго вдохновенія! Блаженъ, чья грудь раскрылась предъ людьми! Пустьъ судятъ ближніе сердито! пустьъ видятъ въ облачкѣ лишь мрачный потъ туманъ, гдѣ оприазился радужно свѣтъ Солнца! пустьъ облачко бранятъ — за то, что близъ него та туча показалась, которая грозой неслась когда-то по опчизнѣ, вкругъ сѣя громъ и молнію! Пустьъ! — Духъ мой все не переспанетъ въринъ, что Любовь превѣчная доступна имъ. Мой духъ не перестанетъ ихъ любить, не перестанетъ въ глубинѣ своей пылать священною жаждою — услышану бытъ ими, не перестанетъ упѣшивать надеждою, что и неспрошенные опыты его небесныхъ вдохновеній опи, когда нибудь, но все съ любовью примутъ! — Нѣтъ, нѣтъ, не угасай въ груди моей, огонь съ небесъ низшедшій! Нѣтъ, не умолкайте гусли сердца, вновь наспрошенные не моею, а съ небесъ какою-то рукой! Не покидай меня, мое чистое, святое вдохновенье! Внимай призыву моему, когда я, чувствуя паденье, съ мольбемъ обращусь къ тебѣ! Внимай мнѣ, и съ небесъ твоихъ слетай въ уединеніе ко мнѣ и, въя свѣжей жизнью рай, — проникай мнѣ въ грудь, оживляй меня, окрыляй меня небесною жизнью, небесною силой и — я швердою върою прошкнуптъ — услышатъ меня ближніе и любовью обымутъ созданья любви! До нѣтъ же поръ на волю въспровъ брошенное облачко поспитъ въ груди усладительное убѣжденіе — и увесетъ его къ престолу Вѣчнаго, — что не безжизненнымъ туманомъ пропелось оно по небесамъ Опчизны, а всею любовью пало на нивы его и, можетъ бытъ — не безъ пользы.

ОСТЬ - ЗЕЙСКІЯ ЗАПИСКИ.

Предписаніе РЕВЕЛЬСКАГО МАГИСТРАТА

1691. года объ одеждахъ.

Въ 1691 году напечатано въ Ревелѣ предписаніе Магистрата, характеризующее отчасти тогдашній бытъ Ревельскій, подъ заглавіемъ:

Eines Wohl-Edlen und Hochweisen Rathes der Königl. Stadt Reval, General-Kleider-Ordnung, wie Dieselbe Anno 1691 mit allgemeiner Bürgerschaft Beliebung abgefasset u. publiciret worden.

(Благороднаго и высокомудраго Совѣта Королевскаго города Ревеля генеральныя правила объ одеждахъ, какъ они сочинены и обнародованы съ общаго согласія гражданства.)

Магистратъ, сказавъ побудительныя причины къ сему предписанію и объявивъ, что оно заключаетъ въ себѣ только предварительныя правила, которыя будутъ изложены вполнѣ и подробно въ послѣдствіи, исчисляетъ предметы, которые, подъ опасеніемъ наказанія, безъ различія лицъ, запрещается носить. Предметы сии суть: Вообще драгоценныя камни, алмазныя розы, для грудныхъ украшеній, головныхъ, шейныхъ и пр.; жемчугъ на шеѣ и рукахъ (позволяется однакоже дѣвицамъ носить жемчугъ auf den Waldfen); обширыя кружевами и вы-

шипые башмаки, перчашки и чулки съ бахрамами, собольи муфшы, опвороты и перчашки, кружевные передники и ночные чепчики, кружевные галстухи и ручные манжеты мужскія (но кружевные носовые платки позволешся имѣть женщинамъ и дѣвицамъ, съ шѣмъ однакоже, чшобы кружева были не слишкомъ дороги и не шире чепырехъ пальцевъ); золопыми и серебряными кружевами обшитыя цвѣшныя плашья, и вообще золопыя и серебряныя кружева и борды, узкія или широкія, и всякаго рода бахрамы, крепныя, флоры, годъ какими бы именами они ни были извѣсны, также Венецьяны съ золопыми и серебряными цвѣшами и полосками на чемъ бы то ни было, на плащахъ, плашьяхъ, рукавахъ, камзолахъ и пр.; обшитыя кружевами длинныя флѣровыя вѣршты, также чрезмѣрно большіе фронтны, особенно съ драгоцѣнными золопыми и серебряными ленточками, перьями, бордами и пр.; — все это спрого запрещается носить, подъ опасеніемъ уплаты 20, 30, 50, 100 и даже 200 рейхсшалеровъ пени, смотря по степени неповиновенія сему правилу. Крышыя экипажи, или такъ называемыя лебединыя шея, не запрещаются, пошому чшо почти все завели ихъ; но запрещается всякое излишне пышное украшеніе ихъ, равно какъ и саней, особенно позолоченными и посеребренными вещами. Также запрещается, кшо ѣдетъ въ церковь, запрягать ихъ двумя лошадьми или имѣть лошадиную сбрую позолоченную. — Замѣнилъ также высокомудрый Магистратъ, чшо горничныя дѣвки осмѣливаюшся слишкомъ подражать госпожамъ своимъ въ одеждѣ, и особенно въ головномъ уборѣ: и пошому запрещаетъ имъ носить кофты (*Jäcke*) ниже колѣнъ, разныя излишніе го-

ловные уборы съ кружевами и пр., также пон-
кїя шерстяныя вязаныя сорочки (Futterhemde).
Это не только запрещается подь опасеніемъ
позорнаго наказанія виновнымъ, но и господа,
если они содѣйствовали неповиновенію, также
подвергаются наказанію. А пакъ, какъ кас-
пельно жалованья людямъ доходили до Магис-
прапа разныя жалобы, и люди обыкновенно
были недовольны плашьемъ, которое полу-
чали отъ господъ, то поспановляется, чпобы
плащилось людямъ жалованье деньгами, пакъ,
чпобы взрослая дѣвка получала въ годъ отъ
20, 25 до 30 палеровъ мѣдью, 3 пары башма-
ковъ и 30 локтей холста, а лакей отъ 20 до
30 палеровъ мѣдью, не болѣе, холщинуую
одежу, 5 рубашки и 3 пары башмаковъ и чу-
локъ. Кормилицѣ позволено давать плашье,
съ пѣмъ однакоже, чпобы оно не превышало
достоинствомъ плашье горничной дѣвки и
чпобы кофпы пакже небыли ниже колѣнъ;
подарки денежныя совершенно запрещаются.
Господа, которыя даютъ людямъ своимъ пла-
щу выше предписанной или дарятъ ихъ деньгами,
подвергаются шпрафу. А кто не захочетъ
подвергнуться шпрафу, по первому и второму
требованію, топъ плащитъ 2 рейхшалера,
а въ третій разъ либо арестуется, либо, если
будетъ упорствовать подвергнуться и сему
наказанію, судебнымъ порядкомъ взимается
съ имѣнія его требуемая сумма. Чиновники
опредѣленные для исполненія сего предписанія,
въ случаѣ нерадѣнія ихъ, подвергаются сами
всей отвѣтственности виновныхъ. Чпобы
никшо не могъ отговариваться незнаніемъ сего
предписанія, Магиспрапъ положилъ его напе-
чашать.

ШВЕДСКІЙ ШТАТЪ
Академіи въ Дерпшъ, а попомъ въ Пернавѣ.

	<i>Рхст. серебр.</i>
Старшій Профессоръ Богословіи .	1000
2 Профессора Богословіи, каждый по 600	1200
Профессоръ Юриспруденціи	500
Профессоръ Медицины	500
Профессоръ Риторики и Поэзіи	500
Профессоръ Исторіи	500
Профессоръ Восточныхъ языковъ	500
2 Профессора Философіи, каждый по 500	1000
Профессоръ Математики	500
Секретарь и библиошкаръ Академіи	300
Казначей	200
Фехшовальбый Учитель	200
Танцовальбый Учитель	200
Типографщикъ	50
Служитель и Педель	60
Для 40 стипендіантовъ, для десяти по 50, для десяти по 40, для десяти по 30, и для десяти по 20 рейхсплр.	1400
На починки академическихъ домовъ и на другія чрезвычайныя издержки	200
	Всего 8810

Имена мѣспъ и особъ подписавшихся
на Радугу до 16. Августа.

Гимназіи: Въ Аспрахани и Ново-Черкасскъ.

Уездныя Училища: въ Бѣльцахъ Грязовцѣ, Конопцѣ, Великомъ Устюгѣ, Эваторіи, Одоевѣ, Рыльскѣ, Якутскѣ.

Духовное Училище въ Ярославлѣ.

Въ С. Петербургѣ: Его Сидельство Г. Тайный Совѣтникъ Сенаторъ и Кавалеръ Графъ Хвостовъ.

Ist zu drucken erlaubt. Reval, den 16. August 1832.

Im Namen der Civil-Oberverwaltung
der Ostsee-Provinzen.

Regierungs-Rath Baron v. Rossillon, Censor.

Содержаніе Радуги:

	Стр.
О воспитаніи	504
Объ Индейской Мифологіи	512
Великое открытіе въ Германіи	527
Изъ переписки Жан-Поля Рихтера съ Христианомъ Општо	533
Цшокке	539
Кошечій Совѣтъ. Басня.	543
Листокъ	544
Новорожденному сыну Н. И. Б — на	545
Сужденіе Нѣмца о Россіи	546
Дума	547

Содержаніе Остѣ-Зейскихъ Записокъ:

	Стр.
Предписаніе Ревельскаго Магистрата 1691 года объ одеждахъ	105
Шведскій Шпатель Академіи въ Дерпштѣ, а попомъ въ Пернавѣ	108

Журнала сего выходитъ ежемѣсячно по одной книжкѣ, величиною отъ 3хъ до 6ти и болѣе печатныхъ листовъ. Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 12. книжекъ, въ Ревель 20, съ пересылкою во все города Россійской Имперіи 24 рубля асс. Для Училищъ цѣна 18 р. асс., съ перес.; серебро считается по установленному курсу. — Въ Москвѣ подписка принимается въ Газетной Экспедиціи и въ Коншоръ Телеграфа, въ С. Петербургѣ въ Газетной Экспедиціи и въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Смирдина. Прочіе Гг. Иногородные благоволятъ адресоваться также на имя издателя Андр. Нв. Бюргера въ Ревель. —